

Северная колея

Интервью экономиста Натальи Зубаревич — о том, как советское прошлое повлияло на экономику бывших советских республик

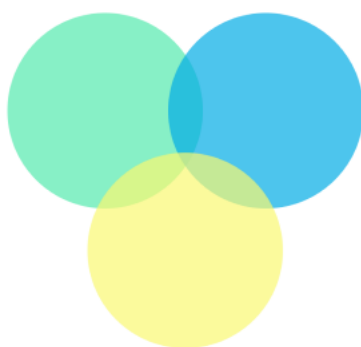
07:49, 21 апреля 2026,

Наши коллеги в совместном проекте «Новой газеты. Армения» и программы «Третьим будешь» на радио FM 106.5 «Бизнес Волна» Рубен Ишханян и Лианна Хачатрян поговорили с российским экономистом Натальей Зубаревич о влиянии России на экономику бывших советских республик.

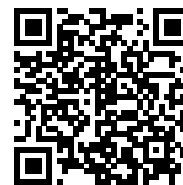
Здесь был мультимедиа-элемент

Чтобы посмотреть его, перейдите по ссылке ниже

ОТКРЫТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ МАТЕРИАЛА

Не забудьте включить VPN если вы в России

— Каково в настоящее время влияние России на экономику постсоветского пространства? Каким оно было и что изменилось?

— В Советском Союзе была единая экономика с большими связями на далекие расстояния. Завод может быть в России, часть деталей делают в Украине, в Армении, в Казахстане — так была устроена советская экономика. Когда Советский Союз развалился, частично развалились и связи. В качестве примера могу сказать, что в начале 90-х некоторые детали на АвтоВАЗ возили самолетами — потому что они производились в других республиках. Потом стало понятно, что это невозможно, и заводы Самарской области получили заказ и начали делать

детали сами, «на коленке».

Все страны постсоветского пространства потеряли часть промышленности, у всех был длинный кризис.

Чуть лучше было только в Беларуси — там осталось полуплановое хозяйство, рано пришел Лукашенко и частично сохранял Советский Союз. У страны были уникальные возможности: продавать в Россию и покупать у России дешевую нефть, перерабатывать и продавать в Европу по хорошей цене. За счет этого субсидировалась промышленность и сельское хозяйство. Это и называли «белорусским экономическим чудом», забывая о конкретной экономической основе — дешевая нефть, и частично субсидированная промышленность из заработанных на нефти. Больше ни одной такой страны не было.

Страны Южного Кавказа прошли этот период очень тяжело. Резкий спад индустрии, разрыв связей, сырье часто было из России. Уехало много инженеров, закрывались заводы. Грузия ушла в аграрное производство и мелкую торговлю, Армения — почти то же самое, но тут не такая хорошая земля, поэтому народ поехал в массовую трудовую миграцию.

Экономист Наталья Зубаревич. Фото: Валентин Антонов / ТАСС

Азербайджану было легче — из-за нефти. Туда пришли западные компании, получили возможность делать технологически более современную добычу нефти. И очень простая арифметика: вы вкладываете ваши инвестиции, а потом часть дохода, и немалую, отдаете нам. А мы сами решим, как мы будем это тратить. Поэтому Азербайджан не так сильно падал — потому что базовая индустрия добычи сохранилась. У людей, которые имели доступ к доходам от нефти, все было хорошо. Но массовое население Азербайджана жило очень бедно, как и грузинское, как и армянское.

Идем на восток — Казахстан и Средняя Азия. Там сразу установились жесткие авторитарные режимы. Казахстан пустил к себе большие западные компании, они обеспечили рост нефтедобычи. Страна нарастила добычу с 30 млн тонн до 90 млн тонн — и живет на нефтяные деньги до сих пор. При этом значительная часть доходов пошла на строительство новой столицы — Астаны. Это было политическое решение. Сейчас их

главный инвестор Китай. Но через Россию идет труба в Черное море, по которой на мировой рынок поступает 80% всей казахстанской нефти. Поэтому инфраструктурная зависимость Казахстана от России очень высокая. И Казахстан между двумя большими стратами ведет очень сбалансированную, очень аккуратную политику — как в части политической, так и в части экономической.

В Кыргызстане 20 лет была политическая турбулентность. И сейчас мы видим, что там устанавливается достаточно жесткий политический режим. Туркменистан живет на газе, построен новый газопровод на Китай. Деньги для элиты есть, но обычный житель Туркменистана живет очень скромно, хотя у них есть какие-то бесплатные бонусы, то же бесплатное ЖКХ. Немножко коммунизм, но в целом люди живут достаточно бедно, очень жесткие регламенты поведения в жизни. Зато построили много новых зданий в Ашхабаде, возвели золотую статую первого Туркменбаши. В общем, люди живут на ресурсе. Понятно, что нет нормальной модернизации. Есть красивый белый город, в нем красивые белые машины, золотой статус и весьма патриархальная жизнь.

У Узбекистана все сложнее, потому что у них были разные периоды. Первое, что они сделали, очень грамотно, — хлопок, который шел на советские текстильные фабрики почти за 5 копеек, стали продавать по мировым ценам. Но газа у них немного, золото есть, цветные металлы есть, но это не так, как у Казахстана и у России, всего меньше. И очень быстро растет население — их уже 38 миллионов человек. При Каримове все было поставлено на безопасность — это не развивает экономику.

Фото: Агентство «Москва»

— А сейчас при президенте Мирзиёеве, кажется, у Узбекистана наладились отношения с Турцией?

— Да. Будем надеяться, что это долгий процесс. Им сейчас очень нужны инвесторы. При быстро растущем населении им очень нужны рабочие места. Россия ужесточила миграционные законы, поэтому сейчас президент Мирзиёев договаривается с разными странами о том, чтобы они принимали узбекских трудовых мигрантов, — с Польшей, Британией. Но второго Китая там не получится уже.

— В России сейчас очень низкий уровень безработицы. Почему это плохо для экономики?

— Да, сейчас 2,2%. Наука экономика нам говорит, что есть оптимальный уровень безработицы — это 5%. Безработный — это человек, который, например, ушел с одной работы и сейчас ищет другую. У него пауза. Он меняет работу по тем или другим

причинам, а не стоит просит милостыню. Если у вас 2% — это значит,

в стране адский дефицит рабочей силы. Спрос больше предложения. Причина в демографии, поэтому России сейчас очень нужны мигранты.

— География и ресурсы влияют на то, каким будет политический режим в стране?

— Не сами ресурсы, а то, как они используются. В Норвегии есть ресурсы — и низкое неравенство. В США есть ресурсы — и высокое неравенство. Это вопрос институтов — правил игры и того, как общество влияет на политику. Политическое устройство стран, их культура, их общественная организация, то, что называется способность общества, транслировать политикам свои запросы. Еще влияет доля сельского населения. Село при прочих равных — это чаще всего зоны бедности на фоне крупных городов.

— Кто принимает решение — экономика или политика?

— Бизнес следует логике прибыли. Ограничения только политические. Вернуться на европейские рынки возможно, но это зависит не от бизнеса, а от политиков. Политика не просто впереди, она стоит с палкой и бьет экономику. Экономика становится инструментом у политиков, когда надо ограничивать. И хуже — когда надо стимулировать, потому что вам нужны деньги в бюджет. И очень тяжелый инструмент политика, когда с вас хотят взять больше налогов. Больше, больше, больше. Это и происходит сейчас последние два года в России.

— То есть все-таки Армения и Россия в этом похожи?

— Советское общее прошлое имеет значение — то, что называется в институциональной экономике Path Dependence, то есть зависимость от пройденного пути. «Эффект колеи» — ты из этой колеи выдраться не можешь. Колеса уже стоят в этой колее.

Записала Анна Качуровская

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Факторы «календарные», «погодные» и те, которые нельзя называть](#)

На пятый год СВО правительство признало: ресурсы почти «исчерпаны». Куда идет российская экономика?

10:25, 21 апреля 2026, Дмитрий Прокофьев